

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

К ИСТОРИОГРАФИИ «ЧЕРНОГО ПЕРЕДЕЛА»

Е. Р. ОЛЬХОВСКИЙ

В историографии русского революционного народничества «Черному переделу» отводится, как правило, весьма скромное место. Обычно указывают на факт раскола «Земли и воли», подробно описывают деятельность и анализируют историческое значение «Народной Воли» и при этом вскользь говорят о роли, выпавшей в истории русского революционно-освободительного движения на долю «Черного передела». Затем констатируется смерть этой организации в 1881 г.

Такая схема свидетельствует о недостаточной изученности значительной полосы истории общественной мысли и революционного движения России 70—80-х годов. Действительно, организация «Черный передел» в лице ее петербургской группы, руководившей изданием периодического органа того же названия, перестала существовать осенью 1881 г. Однако следует иметь в виду, что название «Черный передел» весьма условно и крайне неудачно.

Очень скоро кружки и группы этого же направления стали именовать себя то организациями Северно-русского общества «Земли и воли», то «Народной партией», а чаще всего возвращались к названию «народники». Таким образом, организации «чисто» народнической или чернопеределъческой формы (в отличие от народовольчества) продолжали самостоятельное существование на протяжении 80-х годов. Изучение фактической истории революционного движения этого десятилетия убедительно показывает, что это были сравнительно сильные организации в Петербурге (до 1882 г.), в Москве (до 1887 г.), в Казани (до 1888 г.), в Харькове (до 1889 г.). Из провинциальных центров «чистого» народничества отметим Киев, Пермь, Владимир, Саратов, Самару, Минск¹.

Нельзя, конечно, отрицать, что чернопеределъческое народничество было слабее народовольчества. При этом следует учитывать ряд субъективных причин, которые привели к затуханию исторической значимости так называемого «Черного передела».

В соответствии со своими программными установками, особенно в 1879—1880 гг., чернопеределъцы осуждали тактику индивидуального террора, казавшегося царизму главным злом и привлекавшего усиленное внимание общества. Их судебные процессы были гораздо скромнее народовольческих и оставили небольшое количество архивных документов. Чернопеределъцев, как правило, ссылали административным порядком. Наиболее яркие представители этого течения во главе с Г. В. Плехановым сравнительно рано эволюционировали к марксизму. И их дальней-

¹ Всего, по нашим подсчетам, в кружках чернопеределъческой (народнической) формы в 80-х годах участвовало несколько сот человек.

шая общественно-политическая борьба в качестве социал-демократов явно заслонила в глазах современников, а потом и историков, фактическую сторону жизни народнических кружков 80-х годов.

В силу ошибочного «федералистического» принципа построения «Черный передел» не имел организационного центра с неограниченным влиянием на единомышленников, каким располагала «Народная воля» в лице Исполнительного Комитета. Кружки и группы «Черного передела» были не только малочисленнее народовольческих, но и менее работоспособны. Очевидно, поэтому чернопередельцы пользовались меньшим, чем народовольцы, успехом у революционной молодежи, которая служила главной средой, питавшей кадры революционеров в разночинский период русского освободительного движения.

Но в области теоретической мысли чернопередельчество внесло немалый вклад в дело исторической подготовки марксизма в России. И хотя было бы ошибкой вести прямую линию рождения русского марксизма непосредственно из русского утопического социализма, одной из последних и весьма распространенных форм которого и является чернопередельчество, точнее революционное ненародовольческое народничество 80-х годов, но не менее серьезной ошибкой было бы игнорирование исторической значимости этого реального факта русской действительности. Для глубокого понимания общей картины общественной борьбы не должны быть забыты все оттенки революционной мысли.

К сожалению, в произведениях Маркса и Энгельса мы находим мало упоминаний о «Черном переделе» — они могли знать о нем немного. В письме к Ф. А. Зорге от 5 ноября 1880 г. Маркс с симпатией писал об Исполнительном Комитете «Народной воли», «программа, которого, недавно тайно напечатанная и изданная в Петербурге, вызвала большую ярость среди русских анархистов в Швейцарии, издающих в Женеве «Die schwarze Verteilung» (это буквальный перевод с русского на немецкий). Эти люди — большинство их (не все) являются теми, кто добровольно покинул Россию, — образуют, в противоположность террористам, рискующим собственной шкурой, так называемую партию пропаганды (чтобы вести пропаганду в России, они уезжают в Женеву! Что за quid pro quo!). Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистски-коммунистически-атеистический рай! Пока же они готовят этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина»². Марксу были неизвестны многие факты из революционной деятельности «Черного передела». Он получал однобокую информацию о русских делах от народовольцев. В целом же Маркс дал правильную и вполне заслуженную оценку программным установкам «Черного передела», как они выразились в №№ 1 и 2 их органа. Содержание их бесспорно анархистское, а весь строй аргументации идет от «Земли и воли», тесно связанной в своих теоретических построениях с Бакуниным.

Вместе с тем в том же письме Маркса содержалась и еще одна оценка «Черного передела» как «русской социалистической газеты»³. Естественно, Маркс имел в виду утопический социализм. Но ведь научного социализма в России в тот момент и не существовало еще, а программы «Народной воли» были тоже утопичны по своей природе, что признавал и Маркс⁴.

В. И. Ленин почти не уделил внимания «Черному переделу». Оценка средств борьбы и исторической роли «Народной воли» сохраняла боль-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 34, М., 1964, стр. 380.

³ Там же, стр. 377.

⁴ Сведения об этом см. в письме Л. Н. Гартмана к Н. А. Морозову, ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 578, л. 9 об.

шую значимость для освободительного движения конца XIX — начала XX вв. Один раз (в работе 1902 г.) В. И. Ленин лишь констатирует образование «Черного передела»⁵. В 1907 г. В. И. Ленин, приводя марксову оценку чернопеределовцев, подчеркивает, что «анархические элементы в их взглядах верно схвачены Марксом»⁶. Однако здесь же указано на то, что Маркс не знал и не имел возможности «знать тогда о грядущей эволюции чернопеределовцев-народников в социал-демократов»⁷. В. И. Ленин намечает тем самым наиболее крупную веху в оценке исторического значения «Черного передела».

* * *

Дореволюционная буржуазная историография «Черного передела» необыкновенно скудна. Нельзя назвать не только ни одной монографической работы, но даже и статьи на эту тему.

Авторы книг официально-монархического направления относились к «Черному переделу» весьма скептически и упоминали о нем вскользь⁸. Более широко с фактической точки зрения освещает историю первоначального петербургского чернопеределовского кружка жандармская хроника Шебеко. Он считал, что «Черный передел» был основан на относительно умеренных принципах, называл чернопеределовцев социал-демократами, а программу группы «Освобождение труда» рассматривал как почти тождественную с идеями «Черного передела». Шебеко указывал, что социалистические воззрения чернопеределовцев включают «международную солидарность, как одно из основных условий для успеха революции». Весьма характерна и общая оценка исторического значения обеих фракций русской революционной партии, воспроизводящая оценки прокурора Муравьева на процессе чернопеределовцев в 1881 г.: «в то время, как они (народовольцы) проникают в дом с оружием в руке, разрушая все препятствия, убивая сторожей и т. д., другие занимаются тем, что понемногу подрывают все основы здания»⁹.

Общей чертой всей буржуазной историографии было непонимание роли «Черного передела». Эта тенденция нашла свое воплощение в очень распространенной книге либерального немецкого историка А. Туна, написанной в 1883 г. Располагая сравнительно широкой документальной базой, используя консультации Л. Г. Дейча, Тун считал деятельность «Черного передела» «ничтожной». Он писал о терпимом отношении чернопеределовцев к политической свободе, хотя на первый план «они ставят социально-политические вопросы». Целью партии остается анархический социализм. Тун правильно улавливает свойственный чернопеределовцам ошибочный принцип федерализма, боязнь централизации, что привело к расплывчатости программы и организационной рыхлости.

Отличительную черту чернопеределовцев Тун видел в их отношении к народной общине, способной только «облегчить переход к коммунистическому хозяйству. За крестьянами не должны быть забыты и фабричные рабочие, почвой для агитации среди них могут служить стачки и споры о заработной плате»¹⁰.

Подчеркивая единство целей «Народной воли» и «Черного передела», Тун правильно отмечал, что их сближение после 1 марта 1881 г. произошло на почве практической деятельности.

⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 135.

⁶ Там же, т. 15, стр. 247.

⁷ Там же, стр. 247—248.

⁸ См., напр., С. С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. II, СПб., 1903, стр. 616.

⁹ «Хроника социалистического движения в России, 1878—1887 гг. Официальный отчет», М., 1907, стр. 56, 109, 201, 205, 249.

¹⁰ А. Тун. История революционных движений в России, стр. 261.

Однако оценкам Туна свойствен субъективизм, непонимание теоретических основ разногласий в русском народничестве. Вся глубина политически индифферентных, либеральных установок Туна раскрывается тогда, когда он приводит главный лозунг чернопередельцев, гласивший: «Крестьянин, бери землю, рабочий — фабрику!». Тун же выпускает слово «бери», которое в понимании чернопередельцев звало народ к революции, а не к пассивному ожиданию благодетельных реформ после захвата власти кучкой революционеров или в результате реформ со стороны испуганного царя.

Недостаточность фактических сведений и примитивность оценки роли «Черного передела», будто бы только готовившего кадры для народовольцев, отличают работу Л. Барриве¹¹. Столь же мало плодотворны и оценки А. Корнилова в дореволюционных очерках. В работе, изданной им в 1918 г., о «Черном переделе» говорится несколько подробнее, но зато и с большими фактическими ошибками¹².

Противоречивые оценки роли «Черного передела» дал С. Г. Сватиков. С одной стороны, он приписывал «Черному переделу» народнический аполитизм эпохи «Земли и воли», прошел мимо взглядов Плеханова по вопросам развития капитализма, общины и т. д. В то же время Сватиков правильно отметил эволюцию чернопередельцев по политическому вопросу, ставил им в заслугу подчеркивание роли народных масс¹³. Неверными были и оценки В. Я. Богучарского. Он не увидел никакой идейной эволюции чернопередельцев и утверждал, что политический вопрос «и в 1879 г. стоял у чернопередельцев совершенно так же, как он был поставлен Бакуниным»¹⁴. Н. А. Рожков справедливо отметил влияние на «Черный передел» «властно выдвигавшегося политического вопроса», протест чернопередельцев не против всякой политической борьбы и завоевания политической свободы, а против террора, «результатом которого в лучшем случае будет выгодная для одной только буржуазии конституция». Рожков прямолинейно рассматривал «Черный передел» как связующее звено, соединяющее «бывших землевольцев с марксизмом, с социал-демократией»¹⁵.

История «Черного передела» и его историческое значение почти не нашли отражения в мемуарах старых народовольцев. Примером служат воспоминания В. Н. Фигнер, Л. А. Тихомирова, Н. А. Морозова и О. С. Любатович. Почти полное умолчание о деятельности организации, действовавшей рядом с «Народной волей», является не только свидетельством незнания истории «Черного передела», но и пренебрежительного отношения к нему. Фигнер считала, что «фракция «Черного передела», сохранив в главных чертах программу «Земли и воли», лишь подчеркнула в ней непосредственную деятельность в народе и необходимость организации его для экономической борьбы против буржуазии». «Черный передел», по мнению Фигнер, полностью исчез как организация осенью 1880 г. — в начале 1881 г.¹⁶

Л. А. Тихомиров в многочисленных воспоминаниях ничего не писал о «Черном переделе». Зато он приписал Плеханову в 1878 г. отрицательное отношение к пропаганде среди крестьянства и переход уже в то вре-

¹¹ Л. Барриве. Общественное движение в царствование Александра II. Исторические очерки, М., 1911, стр. 146.

¹² А. А. Корнилов. Общественное движение при Александре II (1859—1881 гг.). Исторические очерки, М., 1909, стр. 235—237; его же. Курс истории России XIX в., ч. III, М., 1918, стр. 217.

¹³ С. Г. Сватиков. Общественное движение в России, ч. II, Ростов-на-Дону, 1905, стр. 96, 97 и 170.

¹⁴ См., напр., его книги: «Из истории политической борьбы в 70—80-х годах XIX века», М., 1912, стр. 231; «Активное народничество семидесятых годов», М., 1912, стр. 372.

¹⁵ Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики), т. XI, изд. 2, Л.-М., 1928, стр. 202.

¹⁶ В. Фигнер. Запечатленный труд, ч. I, М., 1928, стр. 166, 206.

мя на позиции «чистого марксиста». В результате, заключает Тихомиров, Плеханов перестал быть народником¹⁷. А это значит, что «Черный передел», в глазах Тихомирова, в качестве народнической организации не играл никакой роли и, следовательно, «Народная воля» была на рубеже 70—80-х годов единственным наследником народнических традиций.

Представители террористического направления в «Народной воле» Н. А. Морозов и О. С. Любатович своими фактическими ошибками в мемуарах положили начало неправильным выводам о «Черном переделе». Морозов, например, весьма тенденциозно освещал историю раздела денежных средств «Земли и воли», ее типографии между народовольцами и чернопеределцами. Любатович объясняла раскол в «Земле и воле» не столько принципами, сколько темпераментами. Большинство чернопеределцев якобы занималось «почти исключительно культурной мирной деятельностью» и «Черный передел» не оставил «заметных следов своей деятельности в народе». Любатович даже приписывает чернопеределцам «обман по отношению к массам, вовлекаемым в бунт»¹⁸.

Некоторые народовольцы 80-х годов, однако, более объективно относились к своим идейным противникам. Так, В. Сухомлин, например, писал: «Антитеррористические народнические элементы не превратившиеся вслед за Плехановым и Аксельродом в социал-демократов, подняли голову (в начале 1884 г.—Е. О.), надеясь из оппозиции создать нечто вроде преобразованного, возродившегося «Черного передела». Эпигонов же последнего оставалось в России еще немало»¹⁹.

Не отличались продуманностью, хорошим знанием фактического материала и правильностью историографической концепции в отношении «Черного передела» работы историков-меньшевиков. Л. Мартов ставил знак равенства между народовольческими и чернопеределческими кружками, считал, что их деятельность «носила чисто пропагандистский характер и, при незначительности охватываемого ими слоя рабочих, не оказывала влияния на общественную жизнь»²⁰. Бывший «рабочеделец», близкий к меньшевикам В. Акимов (Махновец) стирал грань между чернопеределчеством и марксизмом, по существу не видел качественного скачка, результатом которого явилось возникновение марксизма в России.

* * *

Первыми серьезными историками «Черного передела» были сами чернопеределцы. Видное место среди них принадлежит Г. В. Плеханову — непосредственному учредителю и создателю этой организации, ее первому теоретику. Важнейшими по этому вопросу работами Плеханова являются: вступительная статья к русскому переводу книги Туна, полемика с Богучарским, статьи «Неудачная история партии „Народной воли“», «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной воли»?», «Предисловие к запискам д-ра Васильева», «О былом и небылицах», «Революционное движение 70-х гг.».

Однако оценка взглядов Плеханова на историю «Черного передела», как и других народнических организаций, затрудняется рядом обстоятельств, первое из которых — сложная и противоречивая эволюция мировоззрения самого Плеханова. Общеполитические и тактические взгляды Плеханова в разные моменты его деятельности накладывали весьма

¹⁷ Воспоминания Льва Тихомирова, М.-Л., 1927, стр. 127.

¹⁸ Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. II, М., 1961, стр. 430, 431. О. Любатович. Далекое и недавнее, М., 1930, стр. 61, 62.

¹⁹ В. Сухомлин. Из эпохи упадка партии «Народная воля». «Каторга и ссылка», 1926, № 6 (27), стр. 67.

²⁰ Л. Мартов. Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г. «История России в XIX в.», т. VI, ч. 3, отд. 2, СПб. (1909), стр. 148.

заметный отпечаток и на его исторические оценки. Меньшевистские ошибки значительно снижают ценность многих формулировок Плеханова, тем не менее нельзя отвергать все, что написано им за последние полтора десятка лет жизни.

Плеханову не раз случалось подчеркивать главное преимущество народников-семидесятников, а вслед за ними и чернопердельцев, перед народовольцами: твердое убеждение, что нельзя совершить революции, «социального переворота» без народа. В 1906 г. он даже устанавливал по этой линии связь между социал-демократами и народниками²¹.

Общим взглядом на «Черный передел» Плеханова-историка присуще довольно точное освещение событий, известных ему по личному участию в организации. Однако опыт как будто заслоняет в его глазах объективный факт существования в России других более поздних многочисленных народнических кружков чернопердельческой формации. Став социал-демократом, Плеханов потерял почти всякие связи с народническими группами, да и мало интересовался ими.

Центральной проблемой, привлекавшей внимание Плеханова в истории «Черного передела», был раскол в «Земле и воле», выделение из нее двух самостоятельных организаций. Свое поведение в Воронеже он рисует, в отличие от других мемуаристов, как сознательное стремление выйти из «Земли и воли», если народники не откажутся от нерешительности в осуждении террора, и тем самым подтолкнуть их к более активной идейной борьбе. Главную беду так называемых «деревенщиков» — эклектизм — Плеханов видел в том, что «они признавали и террор, и агитацию в народе, совершенно не замечая того, что при данных условиях надо было выбирать или агитацию в народе, или террор, который грозил поглотить все наши силы и средства»²².

Неоднократно подчеркивая мысль о боевом, революционном характере чернопердельчества, он утверждал, что эта организация вовсе не была идеологом «кустарного производства», не стремилась к мирной пропаганде, а боролась за продолжение революционной агитации в народе. Чернопердельцы поняли, что «даже удача самого главного „дезорганизаторского“ плана приведет к перемене лиц, но не политической системы». Теоретически чернопердельцы обращали свои взоры к крестьянству, но практически, как подчеркивал Плеханов, не могли не понимать, что значительная часть молодежи «сознательно становилась на сторону террористов и разделяла их мнение о том, что деятельность в крестьянстве при существующих у нас политических условиях заранее осуждена на полное бесплодие»²³. Важное значение имеют и другие оценки Плехановым теории чернопердельчества: «В идейном отношении мы оставались последовательными народниками, и никогда прежде идеи революционного народничества не выступали в таком стройном виде, какой они получили в ту пору»²⁴. Но тут же Плеханов правильно раскazyвал о «червяке разъедающего сомнения», который привел скоро к коренному пересмотру всех идейных позиций.

Разноречивы свидетельства Плеханова и по поводу эволюции политических воззрений чернопердельцев. В 1883 г. по свежим следам событий он писал, что его сторонники «считали политическую борьбу чуть ли не изменой народному делу..., осквернением чистоты социалистической программы». Через несколько лет он возражает Тихомирову, говоря, что основатели «Черного передела» вовсе не были «яркими противниками

²¹ См., напр., Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 21—22; т. II, стр. 132; т. XXIV, стр. 128, 146.

²² Там же, т. XXIV, стр. 308, ср. также стр. 309—310; т. IX, стр. 19. Плеханов категорически возражал против попыток мемуаристов-народовольцев изобразить чернопердельцев простыми культурниками (см. там же, т. XXIV, стр. 308).

²³ Там же, т. XII, стр. 176; т. XXIV, стр. 140 и др.; т. XIII, стр. 25; т. IX, стр. 19.

²⁴ Там же, т. XIII, стр. 24—25.

конституции»²⁵ Дальнейшую эволюцию в сторону признания политической свободы и сближение с народолюбцами Плеханов (1903 г.) прямо связывал с мыслями чернопеределцев о том, что «Россия не минет фазы капитализма и что, вследствие этого, промышленному пролетариату суждено стать главной силой революционного движения»²⁶. Ясно, что в 1903 г. он допустил некоторую модернизацию очень смутных, нечетких и порою противоречивых суждений чернопеределцев по поводу неизбежности капитализма в России и роли фабрично-заводских рабочих.

Довольно точно излагает Плеханов всю историю сближения заграничной группы «Черного передела» с народолюбцами, проект совместного издания «Вестника «Народной воли» и разрыва с ними. Правда, он несколько преувеличивает теоретическое соглашательство Тихомирова и роль Дегаева в прекращении переговоров.

Плеханов считал, что «старое революционное народничество было осуждено на смерть самою жизнью, попытка «чернопеределцев» привлечь к нему новые силы окончилась полнейшей неудачей. Даже та часть революционной молодежи, которая сочувствовала программе «Черного передела», не покидала городов, и скоро одно за другим исчезли все или почти все «бунтарские» «поселения в народе»²⁷.

Эта слишком решительная формулировка Плеханова показывает, что ему осталась неясной та значительно расширившаяся работа, которая проводилась чернопеределцами среди рабочих.

Главное значение деятельности чернопеределчества Плеханов видел в том, что «из него развилась русская социал-демократия, давшая чрезвычайно веские доказательства своей жизненности». В то же время Плеханов отмечал, что в эпоху почти повального увлечения террором чернопеределцы остались верными идее деревенских поселений. Народники 80-х годов не осуществили программы «бунтарей». «Но справедливость требует признания того, что их самоотверженная и негромкая деятельность все-таки не осталась совершенно бесплодной в смысле развития крестьянского сознания»²⁸.

Еще труднее для историка характеристика взглядов на «Черный передел» П. Б. Аксельрода. В качестве мемуариста он дал много ценных сведений, но все они нуждаются в тщательной проверке из-за путанности и нечеткости взглядов Аксельрода, переоценки своей собственной роли в движении и игнорирования работы тех народнических групп и организаций, в которых он сам не принимал участия.

Аксельрод как историк выступил очень рано, уже в 1880, 1881 гг. Мы имеем в виду его «Обзор социально-революционного движения в России», «Речь Александровича на социалистическом конгрессе в Хуре»²⁹ и «Ответ на письмо И. П.». Уже тогда Аксельрод нащупал отход чернопеределцев от землеволецства в признании ими вероятности капитализма в России и сосредоточении своего внимания «на все сильнее утверждающемся классе индустриальных рабочих, на его специфических интересах и стремлениях». Из этого проистекала задача создания «рабочей партии в буквальном смысле слова» или «крестьянско-рабочей партии в России». Характерным отличием чернопеределцев от землеволецев Аксельрод считал также признание необходимости политической борьбы³⁰. При анализе причин слабости «Черного передела» Аксельрод скользит по поверхности. Главное — порочность доктрины, органическая

²⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 29, 161—162.

²⁶ Там же, т. XIII, стр. 27.

²⁷ Там же, т. IX, стр. 19.

²⁸ Там же, т. XXIV, стр. 151, 152.

²⁹ «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», Цюрих, 1881 (далее: Jahrbuch — «Вольное слово», № 13, 19 октября, 1881; там же, № 9, 1 (13) декабря, 1881.

³⁰ Jahrbuch, S. 288, 306. Здесь и далее перевод мой.— Е. О

слабость из-за принципа децентрализма — остается вне поля его зрения.

Аксельроду уже в 1880 г. ясно то направление, в котором эволюционировали главные теоретики чернопередельцев, в том числе и он сам. Их аргументация «несет приметы выраженной Марксом и Энгельсом и развитой теории исторического процесса развития. Это во всяком случае чрезвычайно важный шаг вперед со стороны направления народников». Аксельрод первым указал на то, что в «Черном переделе» объединились различные течения народничества. К землевольцам присоединились те, кто стремился во всем следовать желаниям народа и обособить русское революционное движение от западно-европейского социализма. Против этого выступили Плеханов и Аксельрод, последний предложил назвать орган новой фракции журналом «социалистов-федералистов», чтобы подчеркнуть идейную связь чернопередельчества с Интернационалом³¹. Таким образом, Аксельрод и в 1880, и в 1923 г. ошибочно искал близость к Интернационалу в анархистском принципе федерализма, разделявшемся не марксистским большинством Интернационала, а его бакунистским меньшинством. Кроме того, Аксельрод указал на присоединение к «Черному переделу» противников общины и аграрного переворота, сторонников политической борьбы, эволюционировавших к «Народной воле»³².

Важнейшей задачей «Черного передела» Аксельрод считал распространение среди народа идеи о том, чтобы «пассивное ожидание черного передела сверху превратилось в активное требование земли и воли снизу». Все эти мысли были положены Аксельродом в основу «Программы Великорусской партии социалистов-федералистов», одобренной чернопередельцами Петербурга, Москвы и Казани, а после некоторых редакционных изменений принятой и заграничной группой под именем «Программы русских социал-федералистов»³³. Аксельрод еще в 1880 г. отмечал тесные связи чернопередельческой молодежи «второго призыва» с университетскими и провинциальными городами, ее активную пропаганду среди фабрично-заводских рабочих Петербурга и других центров³⁴. Из фракционных соображений он даже преувеличил влияние чернопередельцев на рабочих.

Общая ошибочная историческая концепция Аксельрода (непонимание классовой природы царского самодержавия, даже в марксистский период его деятельности), попытка найти союзников для социал-демократии в лице буржуазии, либералов и даже крупных землевладельцев, неверие в силы крестьянства как союзника пролетариата³⁵, запутанность взглядов на народничество (подчеркивание прежде всего не его утопизма и реакционности в научном социалистическом смысле, а оторванности от экономической борьбы и замкнутости в кругу интеллигенции, с одной стороны, и понимание объективно-буржуазных устремлений народничества — с другой³⁶ — все это отрицательно сказалось на взглядах Аксельрода на «Черный передел». «Бунтарство революционного народничества представляло собою утопию в практическом отношении, — утверждал он, — но было вместе с тем революционно по своим теоретическим предпосылкам»³⁷.

³¹ Jahrbüch., S. 282—283, ср. П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное, кн. 1, Берлин, 1923, стр. 341—343.

³² Jahrbüch., S. 284.

³³ Ibid., S. 285; ср. П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное, стр. 355—357, 368—369.

³⁴ Jahrbüch., S. 290, 291, 292.

³⁵ См., напр., П. Аксельрод. Задачи рабочей интеллигенции в России, изд. 2, Женева, 1893, стр. 5, 6, 114 и др.

³⁶ См., напр.; Его же. Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении, изд. 2, СПб., 1907, стр. 35, 39—40.

³⁷ Его же. К вопросу о современных задачах и тактике русских социалдемократов, Женева, 1898, стр. 23—24. Как известно, В. И. Ленин, наоборот, подчеркивал

Хотя Аксельрод правильно подчеркивал общее стремление народников и социал-демократов бороться с русским сословно-бюрократическим государством³⁸, обращаться к народным массам, однако он впал в этом вопросе в другую крайность. Вместе с Мартовым он рассматривал наше социал-демократическое движение «как родное детище и прямое продолжение революционного движения народнической эпохи». Более того, Аксельрод в 1900 г. считал, что «историческая почва и основные общественные тенденции принципиально однородны у научного и утопического социализма», что первые русские социал-демократы «уже в теоретических рамках бакунизма стали чуть не на три четверти социал-демократами»³⁹. Это не мешало ему оценивать «Черный передел» как анархистскую организацию, находившуюся под влиянием идей бакунизма и оставшуюся верной «чистой доктрине», т. е. осуждавшей «борьбу за конституцию, во-первых, во имя анархического идеала, а во-вторых, в интересах предохранения России от торжества капитализма в ней»⁴⁰.

Ценными для изучения истории «Черного передела» являются работы Л. Г. Дейча. В них сконцентрирован огромный фактический материал, хотя идейной стороной чернопередельчества Дейч интересовался меньше, чем Плеханов и Аксельрод. Многие работы Дейча увидели свет в подготовленных и отредактированных им шести сборниках группы «Освобождение труда» уже в советское время. Кроме того, в этих сборниках рассыпан важный материал в виде предисловий, примечаний и комментариев Дейча. Укажем на следующие его работы: «Первые шаги группы „Освобождение труда“», «Г. В. Плеханов в „Земле и воле“», «Кто прав?», Предисловие к воспоминаниям О. К. Булановой⁴¹. Из других работ его важны для нашей темы «Черный передел», «От народничества к марксизму», «В. Н. Игнатов», «Из отношений Г. В. Плеханова к народолюбцам», «О воспоминаниях П. Б. Аксельрода», брошюры «Русская революционная эмиграция» и «Г. В. Плеханов»⁴².

В целом Дейч придавал «Черному переделу» большое значение в истории русского революционного движения и считал, что «не будь «Черного передела», не возникла бы в начале 80-х годов и первая наша марксистская ячейка — группа «Освобождения труда»⁴³. Такое преувеличение указывает на его непонимание объективной закономерности появления марксистских групп. Дейч вообще значительно переоценивал роль своих ближайших друзей и заграничной группы «Черного передела». Он хотя и искренно, но совершенно ошибочно считал, что кроме двух-трех десятков известных ему чернопередельцев все остальные народники сочувствовали террору и стали на рубеже 70—80-х годов народолюбцами⁴⁴. Неправоммерно сузив все ненародолюбческое народничество 80-х годов до руководящего кружка «Черного передела», всячески

реакционность теоретических построений народников, претендовавших на социалистический характер своих идей и революционность практической борьбы народников.

³⁸ Там же, стр. 7. Это высказывание сочувственно цитировал В. И. Ленин (ПСС, т. 4, стр. 237).

³⁹ П. Аксельрод. Борьба социалистических и буржуазных тенденций, стр. 34. В первую очередь имелось в виду чернопередельчество, там же, стр. 37; его же. Послесловие к брошюре «Об агитации», Женева, 1896, стр. 34.

⁴⁰ Его же. Борьба социалистических и буржуазных тенденций, стр. 57.

⁴¹ Группа «Освобождение труда», сб. № 1, М., 1924, стр. 9—49, 112—113; № 3, М.-Л., 1925, стр. 44—67; № 5, М.-Л., 1926, стр. 255—272.

⁴² «Историко-революционный сборник», т. II, стр. 269—317; «Современный мир», 1914, № 2, стр. 48—66; «Пролетарская революция», 1923, № 9 (21), стр. 11—30; «Каторга и ссылка», 1923, № 7, стр. 9—20; «Пролетарская революция», 1923, № 10 (22), стр. 176—201; Л. Г. Дейч. Русская революционная эмиграция, Пгр., 1920; Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии, вып. I, От народничества к марксизму, М., 1922.

⁴³ Л. Г. Дейч. «Черный передел», «Историко-революционный сборник», т. II, стр. 270.

⁴⁴ См., напр., его же. Первые шаги группы «Освобождение труда», стр. 10; его же. Г. В. Плеханов, стр. 53.

возвеличивая его, Дейч даже не поставил перед собой вопроса, откуда же в России в то десятилетие появились «чистые» народники.

Дейч считал, что в «Черном переделе» были ярко выражены идеи бакунизма. Главное отличие «деревенщиков» от террористов Дейч видел в стремлении к работе в народе, среди крестьянства, «в подготовке его к бунту, без чего «Черный передел» терял всякий смысл существования»⁴⁵. В то же время он справедливо отмечал: «С момента своего возникновения организация «Черного передела» поставила себе целью более широко, чем то практиковало общество «Земля и воля», действовать среди городских рабочих»⁴⁶.

Дейч считал раскол «Земли и воли» «неизбежным и целесообразным», протестовал против попыток объяснить это лишь личными свойствами некоторых землевольцев, видел причины раздела в разном отношении к тактике террора, несовместимого с деятельностью революционеров в народе. Он стремился всячески подчеркнуть единство взглядов чернопеределъцев, их солидарность с программой «Земли и воли»⁴⁷. Различных течений внутри чернопеределъчества, его идейной эволюции (кроме разрыва с народничеством заграничной группы) для Дейча вообще не существовало. Плеханов, идейный вождь чернопеределъцев, развивал и отстаивал наследие «Земли и воли». Все они, однако, были сторонниками федерализма и автономии⁴⁸.

Излюбленный мотив Дейча-мемуариста — преувеличение миролюбия, терпимости чернопеределъцев по отношению к «Народной воле», их товарищеский тон и т. д. На практике отношения чернопеределъцев с народовольцами складывались по-разному, но чаще выливались в острое соперничество.

Дейч расценивал как тактическую ошибку поведение заграничной группы «Черного передела», доказывавшей, что «необходимо объединиться с единственно действовавшей тогда нелегальной организацией, что нецелесообразно, вредно дробить наши силы и т. д.»⁴⁹ Не поняв, что в России действуют не только народовольцы, но и народники, заграничная группа на самом деле впала в большой тактический просчет. Но, видимо, Дейч так и не понял, что оставшиеся в России народнические группы следует рассматривать не только как «зацепку» для группы Плеханова — Аксельрода — Засулич — Дейча.

Дейч был одним из первых, кто указал на тесную связь заграничной группы «Черного передела» с кружком эмигрировавших в Швейцарию польских революционеров С. Дикштейна, Л. Варынского и др.⁵⁰

В работах Дейча о «Черном переделе» видное место занимает проблема эволюции заграничной группы в сторону марксизма⁵¹. И если факты, изложенные Дейчем, очень важны, то, к сожалению, в историографическом смысле эта эволюция полностью заслонила собою в глазах Дейча всю последующую активную революционную деятельность народников чернопеределъческого направления на протяжении 80-х годов. Нельзя не считать и с множеством фактических ошибок в работах Дейча⁵², с его крайним субъективизмом, нетерпимостью к критическим замечаниям оппонентов, с многочисленными противоречиями, даже в пределах одной работы.

⁴⁵ Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов, стр. 53; «Черный передел», стр. 279.

⁴⁶ Е го же. От народничества к марксизму, стр. 61.

⁴⁷ Е го же. «Черный передел», стр. 271, 278, 279, 282, 294, 302, 283, 284, 316, 317.

⁴⁸ Е го же. Г. В. Плеханов, стр. 50.

⁴⁹ Е го же. Первые шаги группы «Освобождение труда», стр. 9.

⁵⁰ Е го же. Русская революционная эмиграция, стр. 39.

⁵¹ См., напр., Л. Г. Дейч. Кто прав?, стр. 255—261; От народничества к марксизму, стр. 66; В. Н. Игнатов, стр. 21, 28 и др.

⁵² См., напр., «Черный передел», стр. 283; От народничества к марксизму, стр. 64; Русская революционная эмиграция, стр. 39.

Противоречивостью взглядов на «Черный передел» отличались также работы О. В. Аптекмана. Главные из них: «Общество „Земля и воля“ 70-х гг.», библиографическая заметка с разбором журнала «Былое», ответ на статью М. Р. Попова «„Земля и воля“ накануне Воронежского съезда» и вступительная статья к перепечатке номеров «Черного передела». Его привлекали, в основном, совокупность проблем, связанных с распадом «Земли и воли», причины образования «Черного передела» и «Народной воли», силы и взаимоотношения этих организаций. Аптекман преувеличивал при этом роль М. Р. Попова, считая, что ему, «главным образом, обязана группа «Черного передела» ее построением»⁵³. Это, в свою очередь, вызывало неправильные выводы о практической деятельности организации: быстрое объединение группы Попова в Киеве с народовольцами выдавалось за конец существования «Черного передела».

Особенно уязвимое место в работах Аптекмана — объяснение причин раскола «Земли и воли». Аптекман — член организации — в 1879 г. отлично понял неизбежность разрыва с террористами, искал объективные причины этого в глубоких идейных разногласиях, что выразилось прежде всего в его «Письме к бывшим товарищам», ту же позицию сохранял Аптекман более 40 лет⁵⁴. Однако это не помешало ему в 1923 г. сделать мало убедительную попытку отрицать неизбежность этого раскола, объяснить дело «разницей темпераментов и склокой в редакции, а потом и в руководстве „Земли и воли“»⁵⁵.

«Черный передел» Аптекман рассматривал как ее наследника. И действительно чернопеределчество в главных своих чертах стремилось закрепиться на идейных и тактических позициях основной ветви землевольчества, возглавлявшейся Плехановым. Но непрерывно шедшая идейная эволюция не была замечена Аптекманом, кроме сдвигов в отношении к политической свободе. Аптекман ошибочно считал, что народовольцам удалось на революционном поприще «монополизировать поле битвы, они овладели умами, симпатиями и волей тогдашней революционной России»⁵⁶.

Противоречая фактам, отраженным в его же собственных работах, Аптекман, по существу, сводит всю организацию к петербургской. В одном месте он прямо пишет о кружках «вторичной чернопеределческой формации» в Казани и Курске в 1886 г., с которыми ему пришлось столкнуться. «Семена кое-какие были посеяны революционным народничеством «Землею и волею» 70-х годов и ее преемником — «Черным переделом»»⁵⁷. Но это не мешает ему сохранить пессимистическую оценку роли «Черного передела».

Воспоминания о «Черном переделе» оставили и другие члены многочисленных народнических кружков 80-х годов. Однако они, как правило, редко поднимались до теоретических обобщений, не пытались и ставить вопрос об исторической роли чернопеределчества⁵⁸. Авторы этих воспоминаний, воспроизводящие в основном отдельные факты из жизни кружков, переоценивали роль своего кружка так же, как и свою,

⁵³ О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х гг., изд. 2, Пгр., 1924, стр. 241. Ср. также стр. 382 и И. В. Аптекман. Из-за чего мы разделились. «Современная жизнь», 1906, № 10, стр. 138.

⁵⁴ О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х гг., стр. 346, 374, 376, 378; И. В. Аптекман. Из-за чего мы разделились, стр. 137, 138, 142.

⁵⁵ О. В. Аптекман. «Черный передел», Памятники агитационной литературы, т. 1, М.-Пгр., 1923, стр. 6.

⁵⁶ О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля», стр. 382.

⁵⁷ Е. о. же. «Черный передел», стр. 101.

⁵⁸ Исключение составляет очерк развития социалистической мысли Е. Ф. Печоркина, где подчеркивается вера «Черного передела», в народные массы, детально анализируются его программные документы и в общих чертах верно определяется его место в истории (Е. Сельский. По пути к свободе, М., 1907, стр. 69—74).

и своих близких. Им кажется, что с гибелью или с распадом их кружка перестало существовать и чернопередельческое народничество⁵⁹.

Более интересны воспоминания группы казанских народников, писавших о живучести народнической доктрины и обращавших внимание на свое заявление 1888 г., сочувствующее идеям «Черного передела»⁶⁰. Они подробно рисуют сеть народнических кружков, описывают деятельность центрального народнического кружка в Казани вплоть до 1893 г., пишут о влиянии на них сочинений Маркса, Энгельса и Плеханова, перешедшего на позиции марксизма. При этом они подтверждают, что главным для них оставалась работа в деревне. Даже после распада кружка его участники, разъехавшись в сельскую местность, поселившись там всерьез и надолго, вели революционную пропаганду среди крестьян, организовывали библиотеки, народные дома, кооперативы. За свою революционную работу они расплачивались тюрьмами и ссылками. И хотя какая-то часть казанских народников примкнула на первых порах к народолюбцам, а более значительная — позднее к социал-демократам, в целом участники народнических кружков остались верны чернопередельческой доктрине⁶¹.

Большой и важный в фактическом отношении материал о деятельности харьковских народнических кружков сообщил И. Веденьев⁶². Однако он несколько преувеличил самостоятельность рабочих кружков, умалил влияние народнической интеллигенции на первых революционеров-рабочих. Кроме того, в его воспоминаниях сложный и тернистый путь этих народнических рабочих кружков к социал-демократизму как бы выпрямлен. Эти ошибки Веденьева были усугублены В. Д. Перазичем, считавшим чернопередельцев прямыми наследниками бунтарей-бакунистов, видевшими главный пункт их программы в желании во что бы то ни стало сохранить общину⁶³. Перазич, по существу, отрицал сдвиги в чернопередельчестве по вопросам общины и политической борьбы, в отношении к рабочим. Искусственно преувеличивая роль Ю. Д. Мельникова в харьковских кружках, Перазич связывал с его деятельностью быстрый переход рабочих народнических кружков к социал-демократии.

Другой харьковский народник А. А. Макаренко в 1928 г. в воспоминаниях ставил знак равенства между земледельчеством, чернопередельчеством и «народниками-революционерами», как он называл чернопередельцев после 1883 г. Весьма субъективно оценивал Макаренко итоги революционного движения 80-х годов, считая, что после 1881 г., «в революционных кружках нарастала оживленная деятельность. Шла напряженная концентрация боевых сил у народолюбцев и усиление периферий пропагандистскими силами у народников»⁶⁴.

Интересные воспоминания принадлежат члену харьковских народнических кружков С. П. Мазуренко. Он указал на критическое отношение большой группы харьковских революционеров (около 60 человек) к народолюбческой идее «захвата политической власти путем террора.

⁵⁹ См., напр., О. К. Трубникова. «Черный передел», сб. «Группа „Освобождение труда“», № 1; ее же. Три поколения, М.-Л., 1928; «Черный передел». «Суд идет!», Л., 1929, №№ 12, 13; «Черный передел». «Вестник знания», Л., 1929, № 16.

⁶⁰ М. Е. Березин, Ю. О. Бородин, Е. Ф. Печоркин, Э. И. Гауэнштейн, М. В. Гауэнштейн. Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани (1875—1892 гг.). Каторга и ссылка, 1930, № 10, стр. 111—136; К. Я. Загорский. В 1881—1882 г. «Каторга и ссылка», 1931, № 3, стр. 165—166; Р. М. Плеханова. Наша жизнь до эмиграции. Сб. «Группа Освобождение труда», № 6, стр. 65—119.

⁶¹ Л. Лойко. От «Земли и воли» к ВКП(б), М.-Л., 1929, стр. 60.

⁶² И. Веденьев. В харьковских революционных кружках 1882—1889 гг. «Летопись революции», 1923, № 5, стр. 98—110.

⁶³ В. Перазич. Ю. Д. Мельников, 1930, стр. 233.

⁶⁴ А. А. Макаренко. День 1 марта 1881 г. по воспоминаниям современников, ГАОР ЛО, ф. 506, оп. 8, д. 27, л. 5, 5 об.

Взгляды Плеханова рубежа 70—80-х годов харьковцы дополняли признанием необходимости «политической борьбы, но только вместе с народом, не отрываясь от него»⁶⁵. Мазуренко указал на широкие связи харьковчан с народниками других городов: Белгорода, Полтавы, Екатеринбург, Одессы и др. Часть харьковских революционеров (около 30 человек) в 1884—1886 гг. продолжала «хождение в народ», вела в деревнях революционную пропаганду. Специально для народа составлялась и печаталась в тайной типографии революционная литература. Взгляд Мазуренко на харьковские народнические кружки 1883—1886 гг. как на серьезную революционную силу нашел себе полное подтверждение в проведенных нами архивных изысканиях⁶⁶.

* * *

После Великой Октябрьской социалистической революции круг источников по истории «Черного передела» неизмеримо расширился. Были переизданы номера «Черного передела», печаталось большое количество мемуаров и фактического материала⁶⁷. Реальные возможности изучения истории «Черного передела», таким образом, выросли. Несмотря на это в оценке его исторической роли до середины 20-х годов имели широкое хождение ошибочные взгляды. К. А. Пажитнов, например, даже в 1924 г. называл чернопеределцев «сонными деревенщиками», свел всю их историю к сближению с «Народной волей» и к признанию ими необходимости террора⁶⁸. В противоположность этому Ю. М. Стеклов считал, что «чернопередельцы и прежде определенно стояли на марксистской точке зрения», что будто бы они признали сразу прогрессивность капитализма в России. «Программа русских социал-демократов,— утверждал Стеклов,—естественно сложилась путем слияния философско-исторических и тактических взглядов «Черного передела» с народофильскими взглядами»⁶⁹. М. С. Балабанов, обильно приводя большие выписки из воспоминаний Аксельрода, Аптекмана и т. п., отмечая некоторые сдвиги в программных установках чернопеределцев, выводов об исторической роли этой организации не сделал⁷⁰.

Однако наряду со всеми этими ошибками в течение 20-х и начала 30-х годов шли напряженные поиски правильного решения вопроса об исторической роли «Черного передела». Эти поиски связаны с именами М. Н. Покровского, В. И. Невского, Н. Л. Сергиевского, И. А. Теодоровича.

На отношении Покровского к «Черному переделу» сказывалась эволюция его собственных воззрений как историка. Известен ошибочный тезис Покровского о том, что на рубеже 70—80-х годов интеллигенции оставалось действовать самой и только террористическими методами из-за революционной неразвитости рабочих и крестьян. И все-таки Покровский считал, что «чернопередельчество сыграло известную роль в развитии революционного движения, послужив мостом между народничеством тех годов и социал-демократией, но то была связь идейно-психологическая (и больше психологическая, чем идейная), фактического же

⁶⁵ С. П. Мазуренко. От «Черного передела» до коммунистической партии. «Пути революции», 1926, №№ 2, 3, стр. 15—16.

⁶⁶ См., напр., ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10943, 10992; оп. 86, 1885 г., д. 10768, 10902; оп. 87, 1886 г., д. 10147; оп. 90, 1889 г., д. 10847; оп. 93, 1892 г., д. 10471; ф. 1410, оп. 1, 1886 г., д. 528 и др.

⁶⁷ В значительной мере этот материал использован нами выше, при анализе взглядов Дейча, Аксельрода и других.

⁶⁸ К. А. Пажитнов. Развитие социалистических идей в России, т. 1, Пгр., 1924, стр. 231—233, 294.

⁶⁹ Ю. М. Стеклов. Борцы за социализм, ч. II, М.-Л., 1924, стр. 140.

⁷⁰ М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. II, М., 1925, стр. 447, 454—455, 461—466; его же. Очерк по истории революционного движения в России XIX и XX вв., 1927, стр. 74.

влияния на революционные события тех дней «Черный передел» не имел»⁷¹.

В. И. Невскому, который рассматривал все основные проблемы истории «Черного передела» принадлежит одна из первых попыток всесторонне осветить содержание и значение работы чернопеределъцев в рабочих кружках⁷². Он видел идейную разнородность «Земли и воли»; на Воронежском съезде лишь «определилось два течения — одно, которое потом вылилось в настоящее буржуазно-конституционное течение 80-х годов и эволюционировало от мелкобуржуазного утопического социализма к либеральной буржуазии, и другое, которое эволюционировало от того же мелкобуржуазного утопического крестьянского социализма к социализму пролетарскому, научному». Невский говорил даже о классовых соотношениях, «тенденции которых выражали обе фракции «Земли и воли», или, вернее, тенденции которых выражали будущие народовольцы и будущие «освобожденцы» (т. е. группа «Освобождения труда».— Е. О.)»⁷³. Таким образом, Невский как бы свел все народовольчество только к тому течению внутри него, которое эволюционировало к буржуазному либерализму. Зато все чернопеределъчество он «подтягивал» до группы «Освобождения труда». Кроме того, Невский не подчеркивал того перерыва постепенности, качественного скачка, который делали бывшие чернопеределъцы, переставая быть народниками и становясь марксистами.

Еще одной ошибкой Невского было преувеличение значения деятельности чернопеределъцев в рабочей среде. По его мнению, она фактически означала распространение марксизма⁷⁴. Чернопеределъцы будто бы возвысились до понимания необходимости создания рабочей массовой партии, «видели опору своего успеха в народных трудящихся массах». И потому идейная близость чернопеределъцев и социал-демократов, с точки зрения Невского, неоспорима. И хотя он делает некоторые оговорки, преувеличение роли «Черного передела» со стороны Невского налицо.

Однако при малой изученности архивных материалов, при неразработанности темы, ошибки Невского свидетельствуют скорее о трудности поисков правильного марксистского решения проблемы, чем о сознательной модернизации им «Черного передела» и искажении истории Коммунистической партии.

Для изучения истории чернопеределъчества большое значение имели работы Н. Л. Сергиевского, созданные в конце 20-х — начале 30-х годов. Им вовлечены в научный оборот крупнейшие факты из истории народовольческого народничества 80-х годов, без которых теперь невозможно изучение этого направления. Вслед за Невским Сергиевский указывал на пропаганду чернопеределъцев среди рабочих Петербурга, Москвы, Харькова, Казани и других городов и считал, что постепенно утрачивался служебный, подсобный характер этой пропаганды; часто неосознанно эта «рабочая сторона деятельности чернопеределъцев становилась самоцелью, получала социал-демократическую окраску»⁷⁵. Однако, как и Невский, Сергиевский допустил серьезное преувеличение значения это-

⁷¹ М. Н. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв., 1927, стр. 71; его же. Русская история с древнейших времен, т. IV, М.-Л., 1925, стр. 201.

⁷² См., напр., В. И. Невский. «Народная воля» и рабочие. «История пролетариата СССР», М., 1930, № 1, стр. 45; его же. Предисловие к публикации «Зерна» в «Историко-революционном сборнике», т. II, стр. 350—353.

⁷³ В. И. Невский. Группа «Освобождение труда». «Историко-революционный сборник», т. II, стр. 18—19; ср. стр. 24—25, 22.

⁷⁴ См. там же, стр. 31. «Народная воля» и рабочие, стр. 89; его же. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда», М., 1930, стр. 177, 180, 182 и др.

⁷⁵ Н. Сергиевский. «Черный передел» и народники 80-х годов. «Каторга и ссылка», 1931, № 1, стр. 31, ср. также стр. 13.

то факта, пытался сгладить незавершенность этого процесса в рамках народнической идеологии. В № 5 «Черного передела», по его мнению, прямо сказано, что «задачей партии является развитие классового самосознания рабочего, а это значит, что партия поставила перед собою социал-демократические задачи»⁷⁶.

Важными представляются выводы Сергиевского об особенностях тактики народников 80-х годов, об использовании ими земской интеллигенции, крестьян и рабочих в качестве пропагандистов своих идей, помощников в распространении агитационной литературы, о координации усилий Московского, Харьковского и Поволжского чернопеределческих центров⁷⁷.

Сергиевский видел неоднородность чернопеределчества в идейном отношении, тщательно, по новым в то время документам, прослеживал его эволюцию. Однако он стремился во что бы то ни стало искусственно принизить роль Плеханова и группы «Освобождения труда» в истории революционного движения. Так, например, он утверждал, что «фактическим вождем» чернопеределцев был Попов, а не Плеханов⁷⁸. Он преувеличил степень зрелости марксизма, выросшего в самой России будто бы прямо из чернопеределческого народничества без определяющего влияния группы «Освобождение труда».

Еще одной важной ошибкой Сергиевского была его попытка умалить идейную близость главного течения внутри чернопеределчества с бакунизмом, формально связать его с лавризмом. Бунтари якобы составляли меньшинство среди чернопеределцев, а большинство ничем существенным не отличалось от пропагандистов старого лавристского направления⁷⁹. Второй призыв чернопеределцев вообще отказался от бунтарства и признал политическую борьбу. «Общий характер их деятельности был не агитационно-бунтарский, а пропагандистско-организационный»⁸⁰. Для доказательства этого Сергиевский писал, что «деревенщики» в период раскола «Земли и воли» сами еще не понимали, почему они выделились, но постепенно это прояснилось: «Итак, основное разногласие заключалось вовсе не в том, что чернопеределцы — экономисты, а народовольцы — политики, а в том, — с народом или без народа и революция или заговор»⁸¹.

Таким образом, в работах Сергиевского, несмотря на их большую историографическую значимость, историческая роль «Черного передела» определена недостаточно точно.

Историей «Черного передела» в 30-е годы занялся и И. А. Теодорович. Его заслуга прежде всего в указании на различные течения внутри «Черного передела»: «Мы различаем в нем старых упрямых ортодоксальных бакунистов; бакунистов, перерастающих в бабувизм; предсоциал-демократов и к концу его существования даже сторонников ранних разновидностей прямого социал-демократизма»⁸². Однако, полемизируя с Невским, Теодорович зашел слишком далеко в своем стремлении рассматривать идейные течения в чернопеределчестве дифференцированно

⁷⁶ Н. Сергиевский. К вопросу о возрасте Ленинградской организации ВКП(б). «Красная летопись», 1930, № 2, стр. 7.

⁷⁷ Его же. «Черный передел» и народники 80-х годов, стр. 26, 27, 38 и 44 и др.

⁷⁸ Его же. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева, М., 1929, стр. 9.

⁷⁹ Н. Сергиевский. Народничество 80-х годов. «Историко-революционный сборник», т. III, М.-Л., 1926, стр. 152. На эту тенденциозность еще в 1931 г. обратил внимание Б. Иванов («Каторга и ссылка», 1931, № 1, стр. 63, 64, 80, 81 и др.). Однако сам Иванов впал в другую крайность, приписав Аксельроду исключительное влияние на чернопеределчество.

⁸⁰ Н. Сергиевский. «Черный передел» и народники 80-х годов, стр. 29.

⁸¹ Там же, стр. 10. В этом высказывании процессы идейных разногласий искусственно упрощены, забыта неоднородность воззрений как народовольчества, так и чернопеределчества.

⁸² И. А. Теодорович. Социальная политическая мысль чернопеределчества и ее значение в нашем прошлом. «Каторга и ссылка», 1933, №№ 4—5, стр. 26, 27.

и не увидел в нем чего-либо общего, отказав ему даже в «единой доктрине», хотя бы и «эклектической, гибридной».

И. А. Теодорович отчетливо видел идейную эволюцию чернопередельчества по самым различным вопросам, в частности, в оценке капитализма, которая была не столь отрицательной, как у землевольцев. Творческой роли капитализма, его прогрессивности чернопередельцы, по мнению И. А. Теодоровича, так глубоко и не поняли⁸³. Отмечая уже разницу между коллективным владением и коллективным трудом, они скептически относились к крестьянской общине и не возлагали на нее больших надежд. Они видели, что социалистическая пропаганда имеет заметный успех в местностях, охваченных капиталистическим развитием. Теодорович отмечал тягу чернопередельцев к пропаганде среди городских рабочих, интерес не только к стачке как разновидности «бунта» (так смотрели на нее землевольцы), но и к «профессиональным интересам рабочих», постепенный отход от теории использования рабочих как помощников интеллигенции при агитации в деревнях и переход чернопередельцев к признанию большой и самостоятельной роли пролетариев⁸⁴.

Существенные сдвиги в позиции чернопередельцев отмечал И. А. Теодорович и в политической области. По мнению автора, они признали необходимость «особого политического удара» и пропаганды народной революционной организации. Чернопередельцы признали также необходимость избрания народом доверенных людей вместо прежних властей. Но в отличие от народовольцев они ждали от первого этапа революции не политической власти или господства, а политической свободы⁸⁵. Будущие социал-демократы внутри чернопередельчества уже с 1880—1881 гг. отделяли по времени политический удар от реализации социалистических преобразований. Народное восстание — только первый шаг к достижению конечной цели. В соответствии с этим чернопередельцы выдвинули целую «программу — минимум» с преобладанием рабочих требований⁸⁶.

И. А. Теодорович вслед за Аптекманом и Дейчем ошибочно считал, что «к концу 1881 г. чернопередельчество сошло со сцены». Но он придавал этому направлению большое значение: «Если, действительно, внешняя история чернопередельчества скудна и бедна, то необычайно важна и интересна кипучая деятельность этих течений в области социально-политической мысли, лихорадочно стремившейся уловить и отразить в цельной концепции бурные сдвиги в экономике и в политической борьбе той эпохи»⁸⁷.

Весьма ценной для изучения истории «Черного передела» является работа группы историков в конце 20-х начале 30-х годов по составлению био-библиографического словаря «Деятели революционного движения в России». Извлекая из архивов и собирая воедино все опубликованные сведения о революционерах, авторы словаря создали один из лучших образцов исторической библиографии и, в частности, расширили источниковедческую базу исследований по «Черному переделу». В целом словарь сумел объективно осветить различные направления революционного движения, впервые указал на архивные документы на целый ряд чернопередельческих кружков. Правда, широкий круг задач словаря и неисследованность источников привела к тому, что некоторые народники 80-х годов без достаточных оснований причислялись к «Народной воле»⁸⁸.

⁸³ И. А. Теодорович. «Каторга и ссылка», 1933, №№ 4—5, стр. 16, 35, 39.

⁸⁴ Там же, стр. 30, 42, 47, 48, 49, 52.

⁸⁵ Там же, стр. 25, 29, 38.

⁸⁶ Там же, стр. 34, 45, 52, 53.

⁸⁷ Там же, стр. 6.

⁸⁸ К сожалению, такие необоснованные зачисления имеют место и теперь. С. С. Волк, например, считает одного из организаторов рабочей пропаганды в Перми В. А. Померанцева близким по своим взглядам к народовольцам (С. С. Волк. Карл Маркс, Фридрих Энгельс и «Народная воля». Сб. «Общественное движение в пореформенной России», стр. 15). Однако в материалах ЦГИА, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11332, на ко-

Е. М. Ярославский отмечал стремление чернопередельцев к революционному переделу земель, критику ими, хотя и непоследовательную, традиционно-народнической убежденности в социалистическом характере русской общины, признание прогрессивности капитализма в России и возрастания роли рабочих в революционном движении⁸⁹. Однако в конце 30-х годов у Ярославского по отношению «к Черному переделу», как и к другим народническим организациям, верх стали брать критические ноты⁹⁰.

В учебниках по истории СССР для вузов в конце 30-х начале 50-х годов «Черному переделу» уделялось очень мало внимания. Даже в учебнике 1959 г. известному знатоку народничества Б. П. Козьмину о «Черном переделе» удалось написать всего 15 строк. Впрочем, он считал, что «оставшиеся же в России чернопередельцы вели весьма незначительную работу»⁹¹. Такая нигилистическая оценка деятельности чернопередельческого народничества широко проникла на страницы научно-популярной литературы, считалась общепринятой. Наряду с этим, во многих работах до самого последнего времени имели место фактические ошибки по истории «Черного передела». Так, например, в «Истории СССР» говорится о приезде в 1879 г. в Минск Плеханова, стремившегося будто бы предотвратить раскол минской народнической организации народovolьцев и чернопередельцев. Здесь же ошибочно указывается на выпуск в чернопередельческой типографии прокламации «Севернорусского рабочего союза»⁹². Невысоко оцениваются итоги деятельности «Черного передела» во многих экономических, философских и литературоведческих трудах⁹³.

К сожалению, тенденциозное освещение роли «Черного передела» допускают и некоторые историки. Н. Е. Кокушев, например, связывает последующий меньшевизм Плеханова с «Черным переделом». В. В. Широкова противоречия между «Народной волей» и «Черным переделом» сводит только к разногласиям «по вопросу о необходимости политической борьбы»⁹⁴, стремясь затушевать критику чернопередельцами народovolьческой тенденции к недооценке роли народных масс в революции.

Даже в монографии Ю. З. Полевого о зарождении марксизма в России, наряду с признанием чернопередельческой эволюции в вопросах политической борьбы и пропаганды среди рабочих, все-таки утверждает-

ные ссылается Волк, ясно говорится, что Померанцев был преемником В. Ф. Казакова, окончательно примкнувшего к «Черному переделу». «Главной целью кружка была пропаганда среди рабочих революционных идей по программе партии «Черного передела» (там же, лл. 31—31 об). Особенно часто зачисляет народников в народovolьцы С. Л. Эвенчик, считающая все известные ей случаи пропаганды среди крестьян инициативой кружков «Народной воли». В результате народovolьцами объявлены чернопеределец А. А. Макаренко, пензенская народническая группа (С. М. Артоболевский, Н. Толузаков, Н. П. Котов, И. С. Лапин, Д. Ф. Никольский и др.). Даже М. Я. Началов, А. К. Началова, И. К. Кожин, А. А. Ортогрин, Н. Л. Юнеев и весь их обширный кружок — типичное для 80-х годов народническое начинание в духе деревенского поселения с участием ярко выраженных чернопередельцев — причислены к народovolьцам только на том основании, что они распространяли народovolьческую пропагандистскую литературу, хотя сама исследовательница знает об изъятии у Началова чернопередельческих прокламаций (С. Л. Эвенчик. Из истории народovolьческой пропаганды среди крестьянства после 1 марта. Сб. «Общественное движение в пореформенной России», стр. 110—116).

⁸⁹ Е. М. Ярославский. История ВКП(б), ч. 1, изд. 2, М., 1935, стр. 23 и 34.

⁹⁰ См., напр., Е. М. Ярославский. «Очерки по истории ВКП(б)», ч. 1, изд. 3, М., 1938, стр. 29; «Разгром народничества марксизмом», М., 1939, стр. 23; «Анархизм в России», М., 1939, стр. 27.

⁹¹ «История СССР», т. II, 1861—1917 гг., период капитализма, М., 1959, стр. 139.

⁹² «История БССР», Минск, 1961, стр. 396—397.

⁹³ См. сб. «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 40—41; «История русской экономической мысли», т. II, ч. 1, М., 1959, стр. 460—461; В. А. Фомина. Философские взгляды Г. В. Плеханова, М., 1955, стр. 33.

⁹⁴ Н. Е. Кокушев. Эволюция общественно-политических взглядов Г. В. Плеханова от народничества к марксизму, диссертация на соискание ученой степени канд. исторических наук, М., 1955, стр. 171; В. В. Широкова. К вопросу об оценке деятельности «Народной воли». «Вопросы истории», 1959, № 8, стр. 50.

ся, что в отличие от народовольцев, пришедших к выводу о необходимости борьбы за политическую свободу, чернопеределъцы остались на прежних землевольческих позициях⁹⁵. Тщательно исследуя процесс перехода к марксизму заграничной группы «Черного передела», Полевой упускает из виду идейную эволюцию народнических групп в России после 1881 г.

П. С. Ткаченко считает, что кружки московских «чернопеределъцев» просуществовали недолго и весной 1880 г. были окончательно разгромлены⁹⁶. Неточные формулировки содержат работы исследовательницы народовольчества В. А. Твардовской. Она считает, что в период наивысшего подъема революционности в России, в 1880 г., чернопеределъцы по-прежнему отгораживались «полубакунистскими догмами от самой насущной и первоочередной задачи русского революционного движения — от политической борьбы с самодержавием»⁹⁷. Конечно, постановка политического вопроса у народовольцев в тот период была гораздо более четкой, чем у чернопеределъцев. Но Плеханов в той статье, на которую ссылается В. А. Твардовская, стремился одновременно предостеречь народовольцев от забвения роли народа, от революции путем заговора, не затрагивающей экономических основ быта народа. В целом приводимая Твардовской цитата, в которой опущен очень важный курсив подлинника, имеет на наш взгляд несколько другой смысл, чем представляется автору.

С. С. Волк высоко оценивает деятельность «Черного передела»⁹⁸. Однако, занимаясь историей «Народной воли», Волк обращает внимание главным образом на заграничную группу чернопеределъцев, на ее взаимоотношения с Исполнительным Комитетом «Народной воли» и ее эволюцию к марксизму. Народничеству в России особенно после 1883 г., отведено скромное место. Нет в этих работах и общей характеристики чернопеределъчества.

Глубокими и объективными оценками «Черного передела» отличаются работы Ш. М. Левина⁹⁹. Не стремясь сгладить или затушевать ошибки различных групп чернопеределъцев, Левин отмечает, что они «с самого начала неплохо подмечали и критиковали некоторые слабые стороны народовольчества»¹⁰⁰. В своих работах Левин сумел оценить удельный вес «Народной воли» и «Черного передела», показать идейную разнородность его кружков и групп, обратить внимание на идейную эволюцию чернопеределъческого народничества 80-х годов, на концентрацию его сил для пропаганды среди рабочих, на постепенное изживание аполитизма и поворот народников к признанию политической борьбы. Правда, нам кажется односторонним указание на то, что общим для различных групп «Черного передела» в начале 80-х годов «было то, что они не могли

⁹⁵ Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России, М., 1959, стр. 57.

⁹⁶ П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века, М., 1958, стр. 85.

⁹⁷ В. А. Твардовская. Вторая революционная ситуация в России и борьба «Народной воли». Сб. «Общественное движение в пореформенной России», стр. 64.

⁹⁸ С. С. Волк. К истории первой программы группы «Освобождение труда». «История СССР», 1964, № 1; его же. Предисловие к сборнику документов и материалов «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. II, М.-Л., 1965.

⁹⁹ Для нашей темы наибольшее значение имеют написанные Ш. М. Левиным главы в «Очерках истории Москвы» (т. IV, М., 1954) и в «Очерках истории Ленинграда» (т. II, Л., 1957). Книга «Общественное движение в России в 60—70 гг. XIX в.», М., 1958; статьи: «Революционное народничество 70-х годов в освещении Ш. М. Левина» («История СССР», 1962, № 2) и «Г. В. Плеханов как историк революционно-народнического движения 70-х годов» («Вопросы историографии и источниковедения истории СССР», Труды ЛОИИ АН СССР, вып. 5, М.-Л., 1963) и особенно статья „«Черный передел» и проблема политической борьбы“ (сб. «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России», М., 1961); см. также «История русской литературы», т. IX, Введение, М.-Л., 1956.

¹⁰⁰ Ш. М. Левин. Общественное движение в России, стр. 489—490.

не признать необходимость политической борьбы; в остальном пути различных чернопеределъческих элементов значительно разошлись»¹⁰¹. Тогда стиралась бы грань между «чистыми народниками» и народолюбцами, оказывалось бы, что все чернопеределъцы примкнули к «Народной воле». Но это было вовсе не так. Общим для всего чернопеределъческого народничества была вера в народные массы, надежда, что именно народная революция приведет к переустройству жизни на якобы социалистических началах. Это необходимое добавление сделано в других работах Левина.

Ш. М. Левин правильно наметил основные линии дальнейшей идейной эволюции чернопеределъчества. Ему же принадлежит и верная, на наш взгляд, общая оценка: «Историческое значение «Черного передела» и состояло, между прочим, в том, что он явился противовесом некоторым явно ошибочным элементам народолюбческой идеологии и помешал народолюбчеству, как идейному направлению, безраздельно овладеть всей революционной ареной; это в какой-то степени воздействовало на самих народолюбцев, и главное, сказалось на последующем ходе русского революционного движения»¹⁰².

Справедливую оценку исторической роли «Черного передела» дает «История КПСС»¹⁰³, которая отмечает, что основное для «Черного передела» — пропагандистская деятельность «в народе с целью подготовки аграрного переворота, всероссийского крестьянского бунта». Указывается на политическую эволюцию чернопеределъцев, на их пропаганду среди рабочих, на значение критики чернопеределъцами тактики «Народной воли». Затем констатируется распад «Черного передела» на ряд отдельных кружков¹⁰⁴.

* * *

Историческое значение чернопеределъчества многообразно. Его настойчивые выступления против увлечения революционной интеллигенции терроризмом и неизменное подчеркивание роли народных масс в революции, совершило в идейно-теоретическом отношении большое и важное дело. Нельзя забывать указания В. И. Ленина о том, что защита демократии путем обращения к массам является общим у народничества и марксизма¹⁰⁵.

Чернопеределъцы испытали на себе большое влияние народолюбчества; но и критика чернопеределъцами «Народной воли», совместная практическая деятельность представителей обоих направлений и присоединение к «Народной воле» в 1881—1884 гг. целых групп чернопеределъцев наложили свой отпечаток на эволюцию взглядов теоретиков «Народной воли». На протяжении всех 80-х годов народники продолжали вести революционную пропаганду.

Чернопеределъчество, как и землевольчество, из которого оно выросло, как и сопутствовавшее ему народолюбчество, никогда не было единым и монолитным идейным течением. В чернопеределъчестве всегда сосуществовало несколько идейных направлений. Дальнейшая эволюция взглядов бывших чернопеределъцев еще больше осложнила картину. Однако следует определенно указать на четыре направления этой эволюции: к марксизму, к народолюбчеству, к либеральному народничеству (теория «малых дел» и урезанных требований) и безуспешные попытки удержаться на видоизмененной и «подправленной» позиции «Земли и воли».

Народническое течение «Черный передел» завершило цикл идейного развития не ранее конца 80-х годов.

¹⁰¹ Ш. М. Левин. «История русской литературы», т. IX, Введение, стр. 48—49.

¹⁰² Его же. «Черный передел» и проблемы политической борьбы, стр. 253.

¹⁰³ «История КПСС», изд. 2, М., 1962, стр. 18 и 24.

¹⁰⁴ «История КПСС», т. I, М., 1964, стр. 61—62.

¹⁰⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 19, стр. 172.